

С.А. Голубков¹

Самарский государственный университет

ИНОСЛОВИЕ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО

Статья раскрывает особенности речевой организации новелл С.Д. Кржижановского. «Инословие» писателя становится особым речевым поведением, выражением его инобытия по отношению к официально признанной литературе 1920-1930-х годов. «Недовольство» словом, восходящее у Кржижановского, с одной стороны, к традиции русской литературы, с другой стороны, обосновано глубиной его метафизических миров. Поиски метафорических эквивалентов для обычных слов раскрывают многомерность границы между жизнью и смертью, сном и явью; создают особую танатологическую поэтику (новелла «Мост через Стикс»). Огромный пласт лексики в новеллах и записях Кржижановского формирует особое пространство мнимостей, его странно-сказочные миры. Кроме того, особое номинирование производится писателем и с целью передачи катастрофического состояния современности – появляется экспрессивная стилистика, раздвигающая эмоциональные границы восприятия обыденных явлений. В целом, метаязыковая игра С. Кржижановского создает не только оригинальный художественный тезаурус, но и становится оппозиционной поведенческой стратегией по отношению к советскому «новоязу». Инословие писателя оберегает смысловую «разноцветность» языка, мира и мышления.

Ключевые слова: инословие, метафизические миры, новелла, метаязыковая игра, метафора, Кржижановский

---

¹ Голубков Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета

S.A. Golubkov
Samara State University

SIGISMUND KRZHYZHANOWSKY'S AMBAGES

The article reveals the peculiarities of speech organization in S.D. Krzhyzhanowsky's short stories. The writer's ambages, double-talk, become a type of verbal behavior, the expression of his otherness in relation to an officially recognized literature of 1920-1930s. His being "discontent" with the word, on the one hand dates back to Russian literary traditions, and on the other hand is deeply rooted in his metaphysical worlds. The writer's search for metaphorical equivalents of common words reveals the multidimensional border between life and death, dream and reality, create specific thanatological poetics ("The Bridge Over the River Styx"). Extensive amounts of vocabulary in Krzhizhanovsky's stories and records create a special space of ostensibility, his strangely fabulous worlds. Besides, the writer's special nominations render catastrophic condition of modern time – expressive style which thus is employed relocates the boundaries of the emotional perception of everyday phenomena. In general, the metalingual play by S. Krzhizhanovsky not only creates original artistic thesaurus, but also becomes a behavioral strategy opposing the Soviet "doublespeak". The writer's Ambages preserve the "colorful" diversity of the language meanings, and also that of the world and cognition.

Keywords: ambages, metaphysical worlds, a short story, a metalingual play, metaphor, Krzhyzhanowsky.

Сигизмунд Доминикович Кржижановский как духовно многомерная, универсальная личность (полиглот, писатель, филолог) не мог не обращаться к неисчерпаемым ресурсам языка (языков), не мог не видеть богатейшие художественные потенции слова как такового. Как в свое время литературоведы стали говорить применительно к художественному опыту Андрея Платонова об удивительном «странноязычии» писателя, так и в отношении С.Кржижановского можно говорить о его запоминающемся «инословии». Почему автор «Сказок для вундеркиндов», книги «Чем люди мертвы» и других сборников прозы стремился найти самые неожиданные синонимы к обычным словам, этакие парадоксальные метафорические эквиваленты? Только лишь для достижения того самого эффекта «деавтоматизации», о котором писал В. Шкловский в 1910-е годы? Или инословие С. Кржижановского было вполне

естественным и адекватным выражением его инакомыслия, его альтернативного (по отношению к официальной культуре 1920 – 1930-х годов) бытия как художника, формирующегося и реализующего свой дар в системе иных мировоззренческих координат, в системе иных культурных кодов. Любой мыслительный процесс начинается с поиска емкого, надежного слова, которым можно будет предельно точно поименовать новое понятие или явление. Писатель философского склада, а именно таковым был С. Кржижановский, неизбежно проходит мучительный путь оригинального именования того мира, который он постигает. Порой этот путь лежит из сферы сна и мнимости мимолетных озарений в очевидную сферу яви.

В рукописи «Идея и Слово» С. Кржижановский писал: «Для поэта человеческий язык слишком абстрактен, для метафизика – слишком чувственен. Ясно: при конструировании языка были забыты и обойдены – и мозг метафизика, и сердце поэта. Философ вправе сказать: дайте мне другие слова. Эти не пригодны для мышления»². Ну, а писатель в случае такого вдруг возникшего святого недовольства имеющимися ресурсами языка начинает сам изобретать те слова, в которых видит в данный момент настоятельную необходимость.

Странные слова, вводимые писателем, становятся маркерами того необычного и чудесного, что происходит в художественном мире писателя. Жаба из новеллы «Мост через Стикс» называет себя и себе подобных «сидидомами стиксового придонья». Можно было бы, конечно, сказать – «домоседами», но появление необычно «перевернутого» слова усиливает таинственность изображаемого. Сходную функцию выполняет и слово «чернонитный» в том же повествовании: «Отжитые жизни сами ткут чернонитный ковер, выстилающий стиково русло» [Кржижановский, 2010, II, с. 501]. Вязь писательских неологизмов рождает многомерную семантическую глубину загадочного мира Стикса: «В иле мертвы все «или»; тенистая прохладная вечность тинится тончайшими нитями сквозь нас,

---

² Кржижановский, С.Д. Собрание сочинений: в VI т. Т.V Театр. Не включенное в авторские проекты книг и незавершенное. Ненаписанное / сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – М.: Б.С.Г. -Пресс; СПб.: Симпозиум, 2010. – С. 496. Выделено курсивом автором. Все дальнейшие цитаты из текстов С. Кржижановского приводятся по данному собранию сочинений – римской цифрой указывается том, арабской – страница.

бархатами ила, нирвана нирваны, сливаясь вокруг мысли, замысля, замысля...» [Кржижановский, 2010, II, с. 501].

Писатель как внимательный созерцатель сущего отмечает разрастание области мнимого. Жизнь, сквозь которую проступают пятна смерти, уже не назовешь в полном смысле жизнью. Это скорее некая «полужизнь», зыбкое существование «вполнакала». Эфемерны и преждевременные смерти, количество которых катастрофически выросло в XX веке – веке масштабных войн и революций. Автор устами жабы («Мост через Стикс») называет этих павших «полуфабрикатами смерти», «недожитками». Старая жаба Стикса с горечью признается: «Я и мои единомышленники, мы полагаем, что наскоро, кое-как сделанный мертвец – не вполне мертвец; смерть должна работать терпеливо и тщательно, медленно, год за годом, всачиваясь в человека, постепенно бесконтурия его мысли и бессилия его эмоции; память его, бесцветясь, должна – под действием болезней или старости – постепенно сереть, приобретать гравюрные тона, и только тогда она будет под цвет стиковым илам. Все же эти насильно брошенные в Стикс жизни, непросмертеванные, оборванные на ходу, сохраняют в себе еще жизненную инерцию; Лета отказывается от них, и сносит их взбудораженные, полные пестрот памяти, к нам, в Стикс. И они нам нарушают и уродуют небытие» [Кржижановский, 2010, II, с. 501-502]. В новелле слова «непросмертеванные», «смертенепригодное» выступают как весьма емкие по смыслу авторские неологизмы. Опыты отгоревших человеческих жизней уподобляются слоям придонного ила мифической реки Стикс, становятся «памятевыми осадками». Неологизмами оказываются и словосочетание «молодевое межсмертье», и форма множественного числа от слова «память»: «...дурачье, они швыряют в смерть самое смертенепригодное, свою молодь. Памяти юношей еще не заполнены, пусты и потому, попадая на поверхность Леты и снесенные течением в Стикс, они, по пустоте своей, не способны затонуть и плавают поверху, полуневтиснутые в Стикс. Это молодевое межсмертье срастается в ряскоподобное, пленчатое нечто, разлучающее дно реки рек с ее поверхностью» [Кржижановский, 2010, II, с. 503].

Новелла «Мост через Стикс» имела ярко выраженный антивоенный смысл. Прием оживления мифологических персонажей и реконструкция мифологических ситуаций позволяли писателю в художественном режиме деавтоматизации привычного размышлять о неестественности тех затяжных кровавых войн, в смертоносную пучину которых погрузилось двадцатое столетие. «Тем временем, долго выкликаемое миллионосмертие началось: оно заахало – оттуда, с

земли – тысячами запрокинувшихся железных горл, оно ползло протравленным туманом, гася радуги и обрывая солнцу лучи, его пулевые ветры несли, прямо на Стикс, сваянные одуванчики душ. Сластолюбивое кваканье чуть ли не всего стиксова придонья встретило первые нахлыни смертей» [Кржижановский, 2010, II, с. 503].

Сказочный мир, таящий в себе смысловые глубины, требовал от писателя необычного вербального закрепления. Удивительно странных героев, странные ситуации, загадочно-странный предметный мир – все это было невозможно описывать обыкновенными, давно примелькавшимися словами. Непривычные элементы фантастического мира нуждались в особых творческих усилиях по их особому номинированию. Мысль писателя вступала в игровые отношения с имевшимся в его распоряжении арсеналом художественных средств. На пороге странного мира прозы С. Кржижановского читателя встречало странное слово. Оно было специальным знаком, указателем, паролем. Оно интригующе обещало дальнейшее сюжетное развертывание в повествовании, изобилующее неожиданностями и открытиями. Оно раскрывало парадоксальную суть авторской мысли.

Каламбурными фразами, остроумными афоризмами, авторскими неологизмами заполнены записные тетради писателя, опубликованные в пятом томе его собрания сочинений. Вот лишь некоторые выписки. «Портфеленосцы». «Бездетная муза». «Игра в кости – умирать». «В обнимку с необъятным». «Я – умозаключенный человек». «Прислонившись спиной к небытию». «Хорошо лежачему камню. Он сам себе надгробный камень». «Настоящему нет места в настоящем» [Кржижановский, 2010, V, с. 324–400].

А сколько примеров выразительного инословия в новеллах писателя! Открываем «Квадрат Пегаса» и обнаруживаем: городок «Здесевск», «оползни дней», «четырёхугольная несуразица», «серые злыдни». Листаем рассказ «Тринадцатая категория рассудка» и выписываем: «шепотит», «суесловец», «ликом завосковелым», «несгибень заледенелый», «бесприютник», «бездвижье», «незапараграфленное», «незакопа». А в новелле «Страна нетов» обращает наше внимание такой инословный ряд: «народ естей», «неты», «думальщики», «нетствующая философия», «ненадеванные берега», «система панлогизма», «маленькие нетята», «нетёныши». В новелле «Состязание певцов» встречаем: «поддымленный», «гнутонос с сипинкой», «поставил лампу на полусвечность», «я не намерен расфилософствовывать повестку дня», «перетреливался»,

«вывинтилась сердя струя пара», «рефлексирующий пузан». Подобные выписки можно бесконечно продолжать.

С. Кржижановский использовал и экспрессионистскую стилистику. В слове он обнаруживал потенциальный заряд огромной эмоциональной силы. Несколько переиначив слово и высвободив этот мощный смысловой заряд, можно было кардинально перестроить весь художественный мир. Гипертрофия параметров мира, доведение до максимума звуков, цветовых контрастов очень часто рождает ощущение переживаемой вселенской катастрофы. Так именно изображается в рассказе «Катастрофа» мир, пространство которого вдруг лишается предметов, а время – событий. Масштаб подлинно глобального сбоя приобретает происшествие, изображённое в новелле «Бумага теряет терпение»: и бумаге, и типографским знакам надоело покорно и безучастно передавать мириады бессмыслиц, «притворившихся смыслами». И начинается великий Исход – типографские шрифты исчезают с листов газет, книг, с афиш, вывесок, денежных купюр, официальных документов. Мир в одночасье становится опустошенным, нормальное течение жизни останавливается. Писатель пользуется средствами экспрессионизма, когда ему необходимо описать перемены, приобретающие воистину вселенский характер.

Инословие С. Кржижановского, его «метаязыковую игру» можно рассматривать в разных контекстах, в том числе и в сопоставительном контексте языков разных видов искусства, что, например, делает исследовательница Е.О. Кузьмина в содержательной статье, посвященной выявлению связей «между музыкальным авангардом и поэтическим миром прозы писателя» [Кузьмина, 2010, с. 177-185].

К парадоксальному инословию С. Кржижановского вполне могут быть приложимы примечательные слова В.Набокова об отношении к слову главного героя романа «Отчаяние»: «Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить их врасплох...» [Набоков, 1990, с. 360].

Новое, содержащее в себе эмбрион возможного страха, часто предполагает и напряженный поиск истины. В новелле С. Кржижановского «Чудак» (из книги «Чем люди мертвы») герой, занимающийся проблемой эсхатологического мироощущения, анатомирует чувство страха, исследует его разные ипостаси и проявления. Живое, по мысли этого «чудака», пугать не может. Пугает мертвое, таящееся в живом. «Труп зреет в человеке исподволь». В

своей рукописи, отдельные записи которой приводятся в новелле, герой рассуждает: «Меж человеком и истиной – страх. Страх на страже. В древнем Фрагменте, приписываемом Пармениду, сыну Пиретову, «сердце совершенной истины – бестрепетно». С нашим же трепыхающимся сердчишком предпринимать познание нельзя. Сначала обесстрашить себя и лишь тогда мыслить. Не ранее» [Кржижановский, 2010, II, с. 444].

В ставших печальной данностью XX века военных и революционных сшибках огромных человеческих общностей неизбежно утрачивает свою востребованность многомерная личность со всем её сложным и порой противоречивым внутренним миром. Кровавые схватки простенько поделили всех на «своих» и «чужих», на «белых» и «красных», на «друзей» и «врагов». Утрачивая жизненное многоцветье, мир обретает пугающую монохромность. Сквозь теплые краски человеческого лица проступают бледные пятна мертвеца. Смерть бесцеремонно заявляет о своем приближении. Танатологический ракурс в художественном мире писателя отнюдь не случаен. Для С. Кржижановского проявление подлинной жизни было, прежде всего, в цветущей интеллектуальной сложности. Унылое сведение личности к монофункциональной боевой единице, к оружейной прислуге было чревато преждевременным умиранием человека.

Господствующие идеологемы времени также рассчитаны на простого, легко исчислимого человека, на редукцию личностной многомерности. Людские единицы с усеченным персональным «Я» легко сбивались в нерассуждающие множества, обладающие элементарными, вполне предсказуемыми социальными реакциями и поддающиеся любому митинговому манипулированию.

К такой «полужизни», «полусмерти» может вести и поспешность, историческое «нетерпение», о чем сообщает нам С.Кржижановский, давая парадоксальный портрет Москвы как весьма странного города: «Всякому человеку, дому, делу, идее, раз они начали жить, хочется и нужно изжить себя до конца, но копеечная свечка не согласна: ей жаждетса нового и нового, она спешит строить Москву поверх Москвы. И потому изжить себя до конца здесь никогда, никому и ничему, ни идее, ни человеку, не удавалось. До конца догорала лишь копеечная свечка. Но все умершее недожитком, до своего срока, и в самой смерти еще как-то ворошится. Отсюда основной парадокс Москвы: ни мертвое здесь до конца не мертво, ни живое здесь полно не живо; потому что как и жить ему среди

мириадов смертей, среди чрезвычайно беспокойных покойников, которые хоть и непробудны, но все как-то ворочаются под своими дерновыми одеялами. Москва – это старая сказка о живой и мертвой воде, рассказанная спутавшим все сказочником: мертвой водой окропило живых, живой – мертвых, и никак им не разобраться – кто жив, кто мертв и кому кого хоронить» [Кржижановский, 2010, I, с. 536].

Однако в мире С.Кржижановского есть универсальные константы, которые способны противостоять губительному распаду. Как справедливо отмечает Е.В. Ливская, «в уродливой деформированной реальности для писателя оставались категории, не подверженные смертному гниению: многовековая человеческая культура и природа, загадочные, таинственные в своей причастности к вечности. Душа героя бежит от свидригайловского мещанского ада в культуру, где в окружении воображаемых собеседников – великих предшественников: русских – Пушкина, итальянских – Данте, английских – Шекспира – герой начинает жить истинной, полнокровной жизнью» [Ливская, 2009, с. 12].

Творческое инословие С. Кржижановского было своеобразной формой самостоятельного и подчеркнуто индивидуального речевого поведения, противостоящего тому официальному «советскому языку», «советскому новоязу», который включал в себя набор безликих бюрократических штампов, лозунговых стереотипов, заезженных цитат, так называемых «крылатых слов» и пустых риторических фигур, что заполняли собой не только вербальное пространство устного публичного общения, газетной публицистики, но порой проникали и в повествовательную ткань художественной литературы³.

Оппозиция многоаспектно трактуемой писателем «жизни» и «смерти», проходящая смысловым пунктиром через творчество С.Кржижановского, приобретала принципиальное значение философской доминанты, определявшей инакомыслие художника, его персональную систему ценностей. И одним из средств выражения такого инакомыслия было писательское инословие как индивидуальная авторская стратегия. Эта сознательная художественная

³ «Советский новояз» и формы художественного освоения-переименования его (скажем, сатирического осмеяния) активно изучала М.О. Чудакова. См. работу: Чудакова, М.О. Язык распавшейся цивилизации. Материалы к теме // Чудакова, М.О. Новые работы: 2003 – 2006. – М.: Время, 2007. – С. 234-350.

установка позволяла сформировать свой оригинальный художественный «тезаурус», свою мотивную структуру, необходимые для обозначения основных жизненных универсалий, столь кардинально поменявшихся в двадцатом столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кржижановский, С.Д. Собрание сочинений: в VI т. Т.V. Театр. Не включенное в авторские проекты книг и незавершенное. Ненаписанное / сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2010. – 638 с.

Кузьмина, Е.О. Поэтика парадокса и абсурда в «музыкальных» новеллах С. Кржижановского // Молодой ученый. – 2010. – Т. 1. № 12 (23). – С. 177-185.

Набоков, В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. / В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – 480 с.

Ливская, Е.В. Философско-эстетические искания в прозе С.Д. Кржижановского: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. / Е.В. Ливская. – М., 2009. – 22 с.

Чудакова, М.О. Язык распавшейся цивилизации. Материалы к теме / М.О. Чудакова // Чудакова М.О. Новые работы: 2003 – 2006. – М.: Время, 2007. – С. 234-350.